

КОЛОНИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ РАССКАЗОВ У.С. МОЭМА

COLONIAL MOTIVES IN RUSSIAN TRANSLATIONS OF STORIES BY W. S. MAUGHAM

Ju. Chalaya

Summary. the article deals with culturally marked signs that Express colonial motives in Russian translations of "exotic" stories by W.S. Maugham. Attention is also paid to the transfer of behavioral patterns of the British. Colonial theme was, and still remains significant in the life and literature of the British. It also attracted the attention of researchers of the works of English authors, primarily Victorian-CH. Dickens, D. Conrad, R. Kipling. After all, it was in the XIX century that Britain reached its apogee in the conquest of the colonies, the largest of which was India. Creative work of W.S. Maugham and images of colonists in his works were analyzed in the dissertation of I.V. Tricozenko.

Keywords: W. C. Maugham, colonial motives, translation, culturally marked signs, behavioral patterns.

Чалая Юлия Петровна

*К. филол. н., доцент, Севастопольский
государственный университет, (г. Севастополь, Крым)
j@chalaya.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются культурно маркированные знаки, выражающие колониальные мотивы в русских переводах «экзотических» рассказов У.С. Моэма. Также внимание уделено передаче поведенческих моделей англичан. Колониальная тема была, и до сих пор остается значимой в жизни и литературе англичан. Она также привлекала внимание исследователей творчества английских авторов, в первую очередь, викторианских — Ч. Диккенса, Д. Конрада, А. К. Дойла, Р. Кипплинга. Ведь именно в XIX веке Великобритания достигла апогея в завоевании колоний, самой большой из которых была Индия. Творчество У.С. Моэма и образы колонистов в его произведениях рассматривались в диссертации И. В. Трикозенко.

Ключевые слова: У.С. Моэм, колониальные мотивы, перевод, культурно маркированные знаки, поведенческие модели.

Исследовательница Н.Л. Потанина пишет: «В первой трети девятнадцатого века колонии были для английских авторов местом, в которое люди отправлялись по разным причинам, но откуда неизменно возвращались при драматических обстоятельствах. Характерная подробность: обретая благосостояние или потерпев неудачу, персонажи, по сути, оставались неизменными, так как авторов не интересовали изменения этого рода» [2, с. 2]. В отличие от других авторов С. Моэм, наоборот, детально рассматривал в своих произведениях характеры и душевные переживания героев — "an empire builders" [7, с. 214] — «строителей империи» [6, с. 263], как они сами себя называли. Достаточно вспомнить Уорбертона из рассказа "The Outstation" — «На окраине империи», Макинтоша из одноименного рассказа ("Mackintosh"), Лоусона из рассказа "The Pool" — «Завод», Нейлсона из рассказа "Red" — «Рыжий», Гая из "The Force of Circumstance" — «Сила обстоятельств», Олбена Торела из "The Door of Opportunity" — «Открытая возможность» и Миллисент из рассказа "Before the Party" — «За час до файф-о-клока».

Колониальные мотивы в произведениях английских авторов, и, в частности, С. Моэма, выражены с помощью культурно и темпорально маркированных знаков. Эти знаки и сейчас вызывают у англичан четкий ассоциативный шлейф, который необходимо передать в переводе. Ассоциативный шлейф — это вся совокупность

социокультурных и исторических ассоциаций, которые связаны с определенным понятием или концептом у реципиентов определенной культуры на конкретном историческом этапе [4, с. 30]. Культурно маркированные знаки не всегда равноценны по степени своей значимости в произведении, и в целом ряде случаев читателю достаточно самого общего представления о предмете, так как отсутствие исчерпывающей информации не мешает должной мере восприятия. В других же случаях отсутствие такой информации приводит к достаточно досадным потерям культурного, литературного и психологического порядка в целевой аудитории.

В «экзотических» рассказах С. Моэма преобладают культурно маркированные знаки «не-предметного мира», определяющие поведенческие модели англичан, которые оказывались в колониях английской империи в связи с различными обстоятельствами. Поведение англичан отмечено высокой семиотичностью и имеет жесткую иерархию — нарушение стереотипа становится культурно маркированным, наполненным содержанием. Необходимо также заметить, что важной чертой британского общества является наследственность поколений. Поведенческие нормы (коды) общества складываются исторически и существуют в виде писанных и неписанных законов. «Писанные законы» поведения составляют область права и в современном мире регламентируются законодательством. Для британцев большое значе-

ние имеют «неписанные законы» — обычаи и традиции, в большей мере условные. Нормы поведения переходили к следующим поколениям британцев, трансформируясь в соответствии с современными «писанными законами», но все-таки они оставались основанием современной британской поведенческой и культурной традиции [17, с 5].

Все герои «экзотических» рассказов У.С. Моэма пытались сохранить образ жизни, который вели у себя на родине. В высших классах британского общества существовал жизненный уклад, нарушение которого угрожало потерей репутации в глазах света. Даже люди, которые занимали исключительное положение, испытывали презрительное осуждение за игнорирование тех или других условностей. Рядом с туземцами островов Самоа и Малайи (Борнео) жизненный уклад, внешний вид и привычки англичан выглядели необычными.

Мистер Уорбертон — типичный англичанин, отчаянно стремившийся придерживаться мельчайших деталей в соблюдении традиций. Свою привычку переодеваться к обеду он объяснял своему помощнику так: “When I lived in London I moved in circles in which it would have been just as eccentric not to dress for dinner every night as not to have a bath every morning. When I came to Borneo I saw no reason to discontinue so good a habit. For three years during the war I never saw a white man. I never omitted to dress on a single occasion on which I was well enough to come in to dinner.” [8, с. 121].— « В бытность мою в Лондоне я вращался в кругах, где переодеваться к обеду так же естественно, как принимать ванну каждое утро, иначе вас сочтут просто чудачком. И, приехав на Борнео, я не видел причины изменить этому прекрасному обычаю. Во время войны я три года не видел ни одного белого. Но не было случая, чтобы я не переоделся к обеду, — разве что был болен и вообще не обедал.» [6, с. 137].

Чтение газет на Борнео было для него целым ритуалом: “...and it was Mr. Warburton’s especial delight to break the wrapper as he sipped his tea, and reap the morning paper. It gave him the illusion of living at home. Every Monday morning he read the Monday Times of six weeks back, and so went through the week. On Sunday he read The Observer. Like his habit of dressing for dinner it was a tie to civilization.” [8, с. 133].— «...для мистера Уорбертона это было ни с чем не сравнимое удовольствие: вскрыть обертку и за чашкой чаю просмотреть утреннюю газету. В эти минуты ему казалось, что он дома, в Англии. Каждый понедельник он читал понедельничную «Таймс» полуторамесячной давности, каждый вторник — номер от вторника, и так всю неделю. По воскресеньям он читал «Обсервер». Так же, как и привычка переодеваться к обеду, это было нитью, связующей его с цивилизацией.» [6, с. 151].

Олбен Торел, герой рассказа «Открытая возможность», как только у него появилась возможность добыть свежие газеты, с радостью занялся чтением: “He began to look at the papers, starting with the publishers’ advertisements, and she was conscious of the intense satisfaction it was to him to feel himself through them once more in the middle of things.” [7, с. 393].— «Олбен стал проглядывать газеты, начав с объявлений. Энн понимала, что ему доставляет огромное удовольствие снова быть в курсе текущих событий.» [6, с. 4]. Для героев рассказа «Сила обстоятельств» Дорис и Гая «Прибытие почты было главным развлечением в их бедной жизнью жизни.» [6, с. 348].— “...it brought mail, which Guy sent a boat down to fetch. Its arrival was the excitement of their uneventful lives.” [7, с. 290]. Все колонисты из «экзотических» рассказов С. Моэма стремились вернуться на Родину, кроме разве что, Гая. Но и он предпочел жениться на образованной англичанке, хотя родился и вырос в провинции Сембулу.

Тоска колониста по дому — характерная черта английского колониального рассказа [3]. “When, their long journey over, they were settled in the little Scots town with its granite houses Lawson realised how much it meant to him to live once more among his own people. He looked back on the three years he had spent in Apia as exile, and returned to the life that seemed the only normal one with a sigh of relief. ...and it was good to see a paper every day with that day’s news, and to meet men and women of your own sort, people you could talk to; and it was good to eat meat that was not frozen and to drink milk that was not canned.” [7, с. 91].— «Когда длинное путешествие осталось позади и они поселились в Шотландии, в маленьком гранитном городке, Лоусон понял, как много значит для него снова очутиться среди своих. Три года, проведенные в Апии, вспоминались ему как изгнание, и он со вздохом облегчения возвращался к нормальной человеческой жизни. Приятно ежедневно читать газету со свежими новостями, встречаться с мужчинами и женщинами своего круга — с людьми, с которыми можно поговорить; приятно есть свежее, не мороженое мясо и пить свежее, не консервированное молоко.» [6, с. 111].

Даже в наши дни англичане не избавились полностью от жестких, сформировавшихся в эпоху Викторианства, рамок, касающихся внешнего вида. Писатели-викторианцы и современные стилизаторы уделяют много внимания описанию одежды своих героев, которая выступает их дополнительной характеристикой. Такие описания включают достаточно элементов, которые требуют старательного воспроизведения в переводе, хотя далеко не всегда удается осуществить его без потерь. Базовые предметы одежды англичан, живущих в начале XX века, не изменили своего названия,

но фасоны очень отличаются, и не всегда возможно передать такие названия с помощью простых словарных соответствий. Изменилась мода и переводчику приходится искать варианты, которые могут создать зрительный образ того или иного предмета туалета: "The only concession he made to the climate was to wear a white dinner-jacket; but otherwise, in a boiled shirt and a high collar, silk socks and patent-leather shoes, he dressed as formally as though he were dining at his club in Pall Mall". [8, с. 106]. — «Климату мистер Уорбертон делал одну-единственную уступку — надевал к обеду белый смокинг, в остальном же он одевался так, словно обедал в своем клубе на Пэл-Мэл: крахмальная сорочка, стоячий воротничок, шелковые носки, лакированные туфли.» [6, с. 136].

Правила выбора одежды, головных уборов и аксессуаров были четко определены еще в XIX веке. Учитывать в переводе такие особенности британской культуры — задача переводчика, это позволит донести читателю все уровни художественного произведения. Принадлежность к высшему классу общества требовала сурового исполнения правил этикета. В английском обществе женская шляпка служила показателем не только социального, финансового, но и культурного уровня. Появление женщины на людях без головного убора воспринималось как вызов условностям, что и подчеркивает С. Моэм, создавая образ миссис Скиннер в рассказе "Before the Party" — «За час до фэйф-о-клока». "She was already dressed, in black silk as befitted her age and the mourning she wore for her son-in-law, and now she put on her toque. She was a little uncertain about it, since the egrets' feathers which adorned it might very well arouse in some of the friends she would certainly meet at the party acid expostulations; ...Mrs. Skinner, standing at her

dressing-table, placed the toque on her head, it was after all the only nice hat she had, and put in a pin with a large jet knob. If anybody spoke to her about the ospreys she had her answer." [7, с. 214] — «Миссис Скиннер не любила опаздывать. Она была уже одета — вся в черном шелку, как того требовали ее возраст и траур по недавно скончавшемуся зятю; осталось лишь надеть ток. Ее немного смущала эгретка из перьев цапли, которая могла вызвать резкое осуждение кое-каких знакомых, наверняка тоже приглашенных на фэйф-о-клок; Миссис Скиннер решительно водрузила ток на голову (в конце концов это ее единственная приличная шляпа) и, стоя перед зеркалом, приколотла его булавкой с большим агатовым наконечником. Если кто-нибудь упрекнет ее за эти перья, у нее готов ответ.» [6, с. 246–247]. Женщины не могли появиться на приеме в шляпе, украшенной перьями, если еще носили траур.

Взаимодействие английской и чуждых ей экзотических культур было настолько значительным, что оказало влияние на различные сферы жизни как англичан, так и островитян. Колониальная тема проникла, и прочно закрепилась в различные слои английской культуры. Элементы так называемого «колониального стиля» мы до сих пор видим и в дизайне интерьера, и в одежде, и в литературе. Уникальность английской литературы, насыщенной колониальными мотивами, представляет интересный «вызов» для переводчиков. Таким блестящим переводчикам как Мэри Иосифовна Беккер, Инна Максимовна Бернштейн, Нора Галь, Евгения Давыдовна Калашникова, Мария Федоровна Лорие удалось без потерь передать в русское культурное сознание английские темпорально и культурно маркированные знаки, которыми пестрят «экзотические» рассказы У. С. Моэма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мешкова Т. Н. Колониальный дискурс в романах Ч. Диккенса 1840-х годов. Кандидат филологических наук: 10.01.03. — г. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Державина, 2006, с. 209.
2. Потанина Н. Л. Колонии и колонисты в викторианской прозе (на материале текстов Диккенса) // Сборник научных статей. — Тамбовский государственный университет имени Державина, 2004, с. 186–192.
3. Трикозенко И. В. Художественная проза С. Моэма в контексте английской литературы XIX — начала XX века: Кандидат филологических наук: ВАК 10.01.03 — М., 2003, с. 33.
4. Чалая Ю. П. Ассоциативный шлейф при переводе культурно маркированных знаков // Science and Education a New Dimension. Philology. IV (17), Issue: 78, Budapest, 2016, с. 29–32.
5. Чалая Ю. П. Поведенческие модели и речевой этикет викторианцев: переводческий аспект // Science and Education a New Dimension. Philology. V (29), Issue: 116, Budapest, 2017, с. 17–20.
6. Моэм С. Нечто человеческое. Рассказы: Пер. с англ. / Сост. и вступ. ст. Н. П. Михальской. — М.: Правда, 1989, с. 528
7. Maugham W. S., Sixty-five short stories. L.: Heinemann / Octopus, 1988. — с. 937.
8. Maugham W. S., The favourite short stories. Garden City, New York: Doubleday, Doran & Company, INC., 1937, с. 528.

© Чалая Юлия Петровна (j@chalaya.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»